

Егорова Надежда Юрьевна
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Российская Федерация, Нижний Новгород
nadegorova@yandex.ru

Функции и дисфункции разных форм супружества

Аннотация. Вариативность супружества рассматривается как результат трансформаций в сфере семьи и брака. Подчеркивается неоднозначность восприятия новых форм супружества в научном сообществе и необходимость их анализа и оценки с точки зрения возможности выполнения семейных функций. На основании данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) и качественных исследований автора выделяются основные формы супружества, описываются и сравниваются социально-демографические характеристики браков и сожительства. Подчеркивается неоднородность феномена сожительства, выделяются семейные и не семейные функции сожительства как пробного брака и как альтернативы семье.

Ключевые слова: трансформации семьи; супружество; брак; сожительство; функции

Egorova Nadezhda Jur'evna
Nizhny Novgorod state university named after N. I. Lobachevsky
(National research university),
Nizhny Novgorod, Russian Federation
nadegorova@yandex.ru

Functions and dysfunctions of different forms of marriage

Abstract. Variations in matrimony are seen as the result of transformations in the sphere of family and marriage. The ambiguity of perception of new forms of matrimony in the scientific community and the need for their analysis and evaluation in terms of the possibility of fulfilling family functions are emphasized. Based on the data of Russian monitoring of economic situation and public health issued at HSE (RLMS-HSE) and the author's qualitative researches, identifies the main forms of matrimony, describes and compares the socio-demographic characteristics of marriages and cohabitations. The heterogeneity of the phenomenon of cohabitation is emphasized, family and non-family functions of cohabitation are distinguished.

Keywords: family transformation; marriage; marriage; cohabitation; functions

Со второй половины 20-го столетия социологи, демографы индустриально развитых стран начинают фиксировать серьезные преобразования в сфере семьи и брака. Изменения в самой интимной сфере человеческой жизни разнообразны и отражаются как на характеристиках семейной группы (современная семья мадодетна, нестабильна, отношения супругов могут быть официально не зарегистрированы), так и на процессе её формирования: семья, например, может начинаться не с брака, а с

сожительства. Результатом протекающих процессов становится разнообразие форм семьи, родительства, супружества. Вариативность последнего как центрального элемента семьи постсовременного типа [Голод, 1995] и будет предметом нашего анализа.

Новые формы супружества, в первую очередь сожительство, как и другие аспекты семейных трансформаций, очень неоднозначно оцениваются отечественными исследователями. В рамках кризисной концепции подобные явления рассматриваются как аргумент в пользу распада традиционной моногамной семьи [Антонов, 1999; 2014]. Существование незарегистрированных семей, например, воспринимается как явление, связанное с кризисным состоянием общества. Так, Л. В. Карцева, считает, что изменения в институте семьи, в том числе и распространение сожительств, своеобразная адаптивная стратегия семьи в социально-экономических условиях современной России. «Сужение структуры семьи, как и ограничение спектра и объема выполняемых ею функций необходимо рассматривать как стратегии негативной адаптации к условиям социальных реформ. Более того, в настоящих условиях действует закон центробежной силы: чем выше уровень дестабилизации общества, тем активнее идет процесс дезинтеграции социальных институтов, взаимосвязанных с институтом семьи, тем сильнее семья как малая социальная группа стремится освободиться от социального контроля и обрести неформальный статус либо в формальных рамках, либо вне его» [Карцева, 2003: 94].

Для сторонников трансформационной парадигмы [Гурко, 2008; Михеева, 2012] «многообразие организации семейной жизни современного человека – один из элементов сегодняшней семейной системы...», результат перехода моногамной семьи от традиционных моделей отношений к современным, отвечающим потребностям личности в индустриальном/ постиндустриальном обществах, и неинституциональный характер связи вполне встраивается в описание супружества как личностного взаимодействия мужа и жены, регулируемого и поддерживаемого принципами и нормами, выработанными в процессе такого взаимодействия [Голод, 1995: 85; 2008]. Вариативность семьи и супружества в понятиях постинституционального подхода интерпретируется как допустимая диверсификация, множественность форм семьи, где прежние «альтернативы» включаются в «семейные» группы благодаря творческой составляющей деятельности личности в процессе выстраивания отношений с использованием институциональных элементов [Гурко, 2020: 35–36]. В данном контексте, исходя из положений функционального анализа Р. Мертона, сожительство и брак можно рассматривать, используя категорию функциональных альтернатив, или заменителей [Мертон, 2006: 124], функциональность которых может быть неодинаковой для общества, разных социальных групп, личности [Мертон, 2006: 146- 147].

Как сегодня воспринимать распространение сожительства в России? Каковы основные характеристики этого явления? Действительно ли сожительство или брак функциональны только для определенных групп?

Приблизиться к ответам на данные вопросы постараемся, используя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (*RLMS-HSE*) [Российский мониторинг...], проводимого с 1994 г. по настоящее время, а также результаты авторских качественных исследований «Сожительство: практики молодых» (2013 г., 2015 г.), «Модели супружеских отношений» (2015–2016 гг.).

Анализ количественных данных дает нам возможность говорить об устойчивой тенденции роста числа незарегистрированных супружеств. Переписи населения фиксируют увеличение доли живущих в сожительствах за два десятилетия (с 1994 г. по 2015 г.) почти в два раза – с 7 % до 12,5 % [Федеральная служба государственной статистики...]. К тем же выводам приходим, обращаясь к данным *RLMS-HSE*. Сравнение представленности основных форм супружества, брака и сожительства, на протяжении наблюдаемого периода (1998–2017), говорит, что последнее можно рассматривать как статистически значимую альтернативу. Брак как в 1998 году, так и спустя почти 20 лет сохраняет лидирующие позиции. Тем не менее, доля зарегистрированных союзов уменьшилась в среднем на 7 %, а живущих без регистрации возросла более чем в 1,5 раза (с 10 % до 17 %) (см. Рисунок).

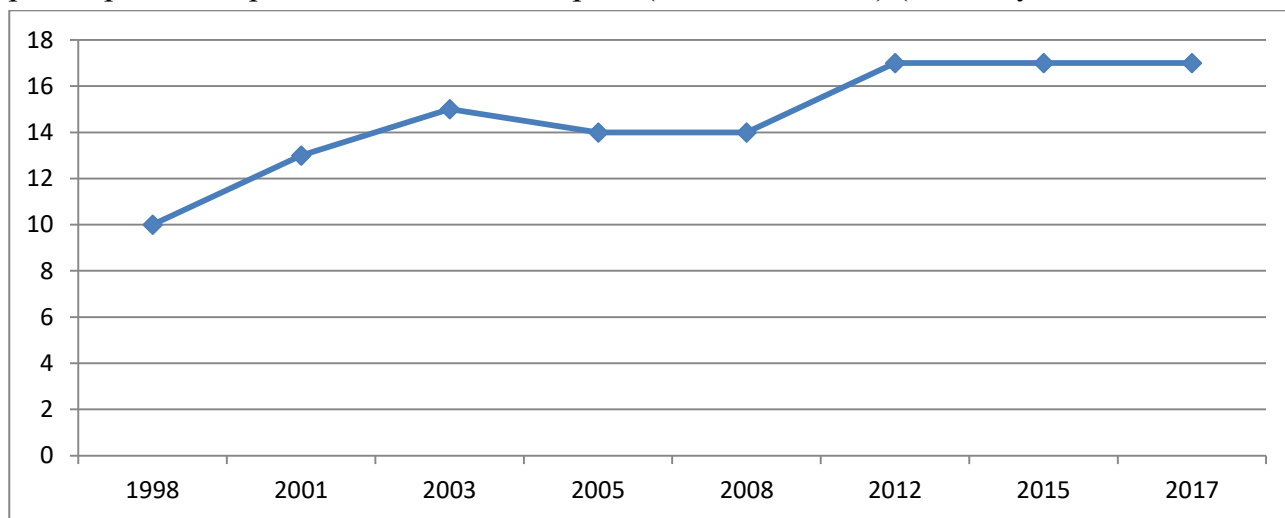

Рисунок. Доля мужчин и женщин, состоящих в сожительствах, % (к общему числу супружеских союзов, зарегистрированных или нет)

Источник: *RLMS-HSE*, репрезентативные базы «индивиды», 1998–2017 гг., расчеты автора.

Вариативность супружества не исчерпывается критерием регистрации отношений: и браки, и сожительства могут быть первыми и повторными. Также анализ данных фиксирует пары, которые живут раздельно даже при наличии официального оформления отношений, хотя их число статистически не значимо – от 0,5 % до 1 % [Егорова, 2019]. Таким образом, число значимых альтернатив «традиционному»

(первому, зарегистрированному) браку возрастает, что, безусловно, требует их подробного описания и оценки, в том числе с точки зрения функциональности.

Сравнение социально-демографических характеристик состоящих в браке и сожительстве позволяет ответить на некоторые вопросы, связанные с возможной ролью и значением этих форм супружества для общества/ отдельных социальных групп.

Сожителство всегда моложе брака, в среднем на 6–8 лет, это касается и женщин, и мужчин. Так, например, средний возраст сожителей в 1998 году составлял 40 лет, состоящих в браке – 46 лет. В 2017 году средний возраст в обеих группах повысился (44 года и 50 лет соответственно), но разница осталась прежней (см. Табл. 1).

Таблица 1. Основные характеристики состоящих в браке и сожителей.

Варианты	1998	2002	2006	2010	2014	2017
Средний возраст сожителей и состоящих в браке, лет						
брак	46	47	48	47	49	50
сожителство	40	41	41	40	42	44
Среднее количество детей						
брак	-	-	1,7	1,7	1,7	1,7
сожителство	-	-	1,2	1,1	1,2	1,2
Продолжительность отношений, лет						
брак	-	-	-	22	24	24,5
сожителство	-	-	-	8,5	9	10,5

Источник: *RLMS-HSE, репрезентативные базы «индивиды», 1998–2017гг., расчеты автора.*

Сожителства менее продолжительны, чем браки. Стаж совместного проживания состоящих в браке в среднем на 9–11 лет больше, чем у сожителей. Учитывая результаты сравнения двух показателей, можно сделать вывод, что сожителство скорее пробный вариант отношений, предшествующий как первому, так и повторному браку.

Действительно, судя по данным *RLMS-HSE, 2017* (см. Табл. 2), стратегия формирования семья, включающая совместное проживание пары без регистрации, становится все более популярной.

Таблица 2. Наличие/ отсутствие сожителства до брака (с учетом года вступления в брак, *RLMS-HSE, 2017*), %

Год заключения брака	Не жили вместе до брака	Продолжительность сожителства, гг.				
		меньше года	от 1 до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 лет до 10 лет	от 10 лет и больше
1969 и ранее	86	9	4	1	-	-
1970–1979	84	12	4	-	-	-
1980–1989	77	14	5	2	1	1
1990–1999	62	18	14	4	1	1
2000–2009	38	24	22	7	4	5
2010–2017	28	27	23	10	5	7
Всего	59	18	13	5	2	3

Источник: *RLMS-HSE, репрезентативная база «индивиды», 2017 г., расчеты автора.*

Так, доля сожительствующих до регистрации брака в 70–80-х гг. прошлого века была минимальна и в среднем составляла около 15 %, во втором десятилетии 21-го столетия ситуация сменилась на диаметрально противоположную: только 28 % респондентов вступили в брак сразу, не проверяя отношения на прочность в рамках сожительства. Расчеты в рамках других волн опросов [Егорова, Воронин, 2017] подтверждают наличие и укоренение указанной добрачной практики: сожительство встраивается в процесс ухаживания/ выбора партнера, становясь этапом семейного жизненного цикла.

Тем не менее, относительно высокая средняя продолжительность отношений в сожительствах (10 лет в 2017 г.), а также наличие у сожителей детей, говорит о том, что данный тип супружества стоит рассматривать и как альтернативу семье, в рамках которой возможно выполнение основных функций – рождения и социализации детей. Правда, здесь необходимо отметить, что детей в сожительствах меньше, чем в браках, а значит, последние – более удобны и приемлемы для реализации репродуктивных установок и потребностей.

Разница между сожителями и состоящими в браке фиксируется и при сравнении социальных характеристик.

Средний доход сожителей в целом ниже, чем состоящих в браке, хотя не всегда эта разница предполагает большие разрывы. Максимальной и статистически значимой она становится при сопоставлении доходов сожителей и состоящих в браке с детьми. Так, согласно данным 2017 г. [см. подробнее Егорова, 2019], в 95 % случаях расхождения средних в указанных группах находятся в пределах от 360 руб. до 2,9 тыс. рублей при средних доходах 20,1 и 21,8 тыс. руб. соответственно.

Сравнение уровня образования дает похожий результат. Сожители в целом имеют более низкий уровень образования. В 2017 г. среди состоящих в браке большинство (56 %) имели профессиональное образование (среднее специальное или высшее), тогда как среди сожителей таких было только 44 %. Наименее образованными оказались сожители, воспитывающие детей: 17 % из них против 11 %, состоящих в браке, имели незаконченное среднее образование, 42 % против 33 % имели только школьное образование, а 41 % против 55 % – профессиональное образование.

Для сожителей, воспитывающих детей, характерен более низкий профессиональный статус. Согласно данным 2017 г., среди них почти на треть меньше (37 % против 28 %) специалистов высшего и среднего уровней и в два раза больше (6 % против 11 %) неквалифицированных рабочих.

Значимость социально-демографических характеристик при определении типа супружества подтвердилась и результатами дискриминантного анализа, проведенного на данных RLMS 2015 г. [Егорова, Воронин 2017]. В число независимых переменных были включены: возраст респондента (а), наличие работы (b), место проживания (с), законченное образования (d), доход (е), количество детей (f), количество лет,

потраченных на образование (g), продолжительность отношений (h). Все заявленные переменные вошли в итоговое уравнение

$$(f = -0,078*a + 0,208*b + 0,104*c + 0,208*d + 0,0000043199*e + 0,408*f + 0,039*g + 0,010*h - 1,411),$$

полученная функция объяснила 77 % наблюдений. С учетом функции в центроидах групп, сожителями будут те, чье значение после подсчетов будет меньше - 0,45402, состоящими в браке – наоборот. Положительные коэффициенты, связанные с большинством параметров, означают, что наличие работы, более высокий уровень образования, большее количество детей, высокий уровень дохода, большая продолжительность отношений и т.д. являются показателями человека, состоящего в браке. Низкие же показатели, в том числе социального статуса, будут связаны с сожительством.

Таким образом, современное супружество, безусловно, вариативно и представлено сегодня как минимум двумя основными формами: браком и сожительством, причем последнее становится все более распространенным явлением. Тем не менее, на первый взгляд, считать их равноценными союзами, не совсем верно. Сравнение основных характеристик (детности, продолжительности, а, значит, и устойчивости союза) в целом не в пользу сожительств, соответственно, с точки зрения общества, они оказываются менее функциональными, чем брак. Но здесь надо понимать, что такие союзы очень неоднородны.

И в зарубежной [Rindfuss, VandenHeuvel, 1992], и в отечественной литературе [Станкуниене, Захаров. и др., 2010: 201; Егорова, 2004; Исупова, 2015] они представлены, как минимум, в двух вариантах: как пробный брак и как альтернатива семье.

Функции сожительства как пробного варианта отношений существенно отличаются от функций сожительства как семьи. В первом случае сожительство встраивается в процесс ухаживания, цель которого минимизировать возможность ошибки в выборе брачного партнера. Именно в этом, молодые, как правило, видят задачи сожительства [Жизненные миры..., 2015: 65]. Но и здесь все не так просто. Даже «сожительства молодых» можно типологизировать. Смыслы, которые вкладываются молодыми людьми при формировании отношений, различны. Материалы авторского качественного исследования (2013 г., 2015 г.) подчеркивают, сожительство может рассматриваться как «ожидание регистрации отношений», в данном случае решение о заключении брака парой уже принято; «этап развития отношений», желание просто быть ближе к партнеру/ше без окончательных матримониальных намерений; «результат стечения обстоятельств», нося утилитарный характер, где паре проще и дешевле жить вместе [Егорова, 2016]. В результате, сожительство может выполнять разные функции, не всегда быть ориентировано на создание семьи и регистрацию отношений. В первом случае партнеры адаптируются к семейной жизни и друг другу, во втором выполняется селективная функция, в третьем – сожительство становится

удобной формой для адаптации слаборесурсных групп к непростым условиям внешней среды.

Что касается сожительства как альтернативы семье, то возможность выполнения ими социальных семейных функций не вызывает сомнения: супруги ведут совместное хозяйство, рожают и воспитывают детей, а отсутствие штампа в паспорте не мешает супругам заботиться друг о друге и считать себя семьей [Михеева, 2001: 51–60]. В то же время функциональность сожительства и брака для разных социальных групп, видимо, оказывается неодинаковой, учитывая различия в социальных характеристиках сожителей и состоящих в браке, которые ярче всего проявляются в семейных группах с детьми. Именно сожители, воспитывающие детей, имеют самые низкие показатели, связанные с определением социального статуса. Соответственно к функциям семейным присоединяется функция экономического характера, другими словами отказ от регистрации – способ приспособиться, адаптироваться в сложных социально-экономических условиях. На это прямо или косвенно указывали респонденты и в рамках авторского качественного исследования (2015–2016), признаваясь, что организация свадьбы – дорогое удовольствие, и при наличии ребенка сохранение льгот и пособий – веская причина отложить поход в ЗАГС.

Библиографический список

Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально- демографические исследования (электронный журнал). 2014. Апрель [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований [веб- сайт]. URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273> (дата обращения: 12.05.2020).

Антонов А. И. Семья – какая она и куда движется? // Семья в России. 1999. № 1- 2. С. 30–40.

Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журн. 1995. № 9. С. 74–87.

Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.

Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.

Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. № 1. С. 31–54.

Егорова Н. Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 12–21.

Егорова Н. Ю. Формы супружества в современной России: сравнение социально-демографических характеристик Петербургская социология сегодня: сборник научных трудов Социологического института РАН. 2019. Выпуск 11. С. 77–93.

Егорова Н. Ю., Воронин Г. Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского

университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Выпуск 3(47). 2017. С. 71–78.

Жизненные миры современной российской семьи: Монография / З. Х. Саралиева, В. А. Блонин, Н. Ю. Егорова [и др.]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

Исупова О. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 2 (126). Март-апрель. С. 153–164.

Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–99.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873, [7] с.

Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. 74 с.

Михеева А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН [Электронный ресурс] // Сайты обследования RLMS-HSE: [веб-сайт]. URL: <http://www.crc.unc.edu/projects/flms> и <http://www.hse.ru/flms> (дата обращения: 01/05/2020).

Станкуниене В., Захаров С., Маслаускайте А., Баублите М., Ренье-Луалье А. Переход к новой модели формирования брачно-партнерских союзов во Франции, Литве и России // Эволюция семьи в Европе: Восток–Запад / Под науч. ред. С. В. Захарова, Л. М. Прокофьевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2010. С. 174–231.

Федеральная служба государственной статистики. Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2015 гг [Электронный ресурс] // Госкомстат: [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm (дата обращения: 30.01.18).

Rindfuss R. R., A. VandenHeuvel. Cohabitation: A Precursor to Carriage or an Alternative to Being Single? // The Changing American Family: sociological and demographic perspectives / ed. by Scott J. South and Stewart E. Tolnay. Oxford: Westview Press, 1992. P. 118–142.